
DOI 10.15826/qr.2015.3.118

УДК 091:27+81'42+27-526.62

Людмила Журова

СКАЗАНИЯ О ЧУДОТВОРНЫХ ИКОНАХ В СТРУКТУРЕ
ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

Liudmila Zhurova

STORIES ABOUT MIRACLE-WORKING ICONS IN THE
STRUCTURE OF *LICEVOJ LETOPISNY'J SVOD*

Licevoj letopisny'j svod of Ivan the Terrible is a major monument of the Old Russian written tradition of the 16th century which completed a centuries-long history of Old Russian chronicling. Stories on miracle-working icons in its multileveled system were included into a vast historical context and acquired a new publishing tone. The author aims to determine the role of icons of the Virgin Mary in Old Russia in *Licevoj letopisny'j svod* and how episodic and semantic memory about them is preserved.

The arrival of a large number of transferred and displayed icons as well as the ones painted by hermits in Russia was a characteristic feature of the late 14th – early 15th centuries. Stories of icons developed into an established narrative form in the print culture of the 16th century and chronicling played a significant role in the literary process of the epoch. This fact can be explained by the establishment of the ideology of autocracy, which was based (among other things) on the phenomenon of miracle-working icons.

In the structure of *Licevoj letopisny'j svod*, there are stories that stand out among others, and they are those of three miracle-working icons, namely, the Theotokos of Tikhvin (1383), the Theotokos of Vladimir and the Theotokos of Kolocha (1413). It is noteworthy that these three legends found in *Licevoj letopisny'j svod* contain subjects connected with the names of Dmitry of the Don's three sons: Vasily, the Grand Prince of Moscow, Yuri of Zvenigorod and Andrei of Mozhaysk. This without a doubt granted them an official status in the historiographical narrative.

What makes the legends in *Licevoj letopisny'j svod* stand out is the combination of two texts: verbal and visual. The illustrators of *Licevoj letopisny'j svod* added to the written text, not following it completely at times yet complying with the existing cultural tradition. The chronicle's interpretation of the stories was different for all of the abovementioned icons. *The Story of the Meeting of the Theotokos of Vladimir* was most likely written specially for *Licevoj letopisny'j svod*. One of the peculiarities of the text is its poly-figural

architectonic which is congenial to the structure of *Licevoj letopisny'j svod*, demonstrating its connection with the history of *Licevoj letopisny'j svod*. It was only in the late 15th – early 16th century that the story of the miraculous manifestation of Theotokos of Tikhvin in Novgorod in 1393 appeared as an independent legend. In *Licevoj letopisny'j svod* it is represented as a short, chronicled account borrowed from *Voskresenskaya letopis'* and, according to a textological analysis, from Library Manuscript II. The brevity of the story of Theotokos of Tikhvin in the *Licevoj letopisny'j svod* is a characteristic feature of the monument, testifying to scant knowledge of the event during the entire 15th century. These circumstances make the rise of the importance of the icon even more meaningful. The analysis of the chronicle's history of Theotokos of Tikhvin demonstrates that its political cult grew in the 16th century, and *Licevoj letopisny'j svod* played a decisive role in the process. The plot describing the manifestation of the icon of Theotokos to a common villager on the Kolocha River around Mozhaysk is documented in a majority of Russian chronicles. The expansive chronicle history of Theotokos of Kolocha spreads over the period from the 15th to the 17th century. The form and content of chronicle articles on Theotokos of Kolocha are varied, which is conditioned by the aim and orientation (including both political and ideological ones) of various chronicles. According to textological analysis, Theotokos of Kolocha was transferred into *Licevoj letopisny'j svod* from *Nikonovskaya letopis'* retaining all the peculiarities of the chronicle. The role of Theotokos of Kolocha was considerably less pronounced in the political mythology of Ivan the Terrible's epoch, which is supposedly due to the fact that the text bore semantic memory of the struggle between minor appanage princes of Mozhaysk and the grand princes.

Consequently, the three legends of miracle-working icons in *Licevoj letopisny'j svod* had different sources. The chronicle's writing in the second half of the 16th century was another stage in the history of the text's well-known subjects. The analysis of stories about icons enabled the author to reveal a number of features in the formation of *Licevoj letopisny'j svod*, to specify its connections with *Voskresenskaya letopis'* and *Nikonovskaya letopis'* and the chronicle of 1560 and to determine the role of the legendary "biographies" of icons in the structure of *Licevoj letopisny'j svod*.

Keywords: *Licevoj letopisny'j svod*; *Voskresenskaya letopis'*; *Nikonovskaya letopis'*; Theotokos of Vladimir; Theotokos of Tikhvin; Theotokos of Kolocha; legend; textology.

Лицевой летописный свод (ЛЛС) — монументальный памятник древнерусской книжности XVI в. — завершил многовековую историю древнерусского летописания. Сказания о чудотворных иконах в его многоуровневой системе повествований включались в широкий исторический контекст и обретали новые акценты публицистического звучания. Определить, каково положение в структуре ЛЛС сюжетов о явлении богородичных икон на Руси, каким образом сохраняется в них эпизодическая и семантическая память, — цель настоящей статьи.

Приходом на Русь большого числа перенесенных, явленных и писанных пустынниками икон ознаменован период конца XIV — начала XV в. Повествования об иконах складывались в устойчивую содержательную форму в книжной культуре XVI в., и летописание в литературном процессе сыграло конструктивную роль. Этот факт объясняется формированием идеологии самодержавия, которая опиралась и на феномен чудотворного образа.

В структуре ЛЛС выразительный повествовательный ряд представляют сюжеты о трех чудотворных иконах: Тихвинской (1383) (СТИ), Владимирской (1395) (СВИ) и Колочской (1413) (СКИ). Примечательно, что три сказания, представленные в ЛЛС развитыми сюжетами, связаны с именами трех сыновей Дмитрия Донского: Василия Московского, Юрия Звенигородского, Андрея Можайского, что, безусловно, обеспечивало им официальный статус в историографическом повествовании.

Особенностью сказаний в ЛЛС является сочетание двух текстов: вербального и визуального. Миниатюристы ЛЛС «дописывали» словесный текст, иногда отступая от него и придерживаясь сложившейся культурной традиции. Летописные истории этих повествований сложились по-разному. «Повесть о сретении Владимирской иконы», вероятно, была специально написана для ЛЛС. Одна из особенностей текста СВИ заключена в его многофигурной архитектонике, которая конгениальна структуре ЛЛС, что лишний раз указывает на ее связи с историей происхождения свода. Рассказ о чудесном явлении в Новгородских пределах Тихвинской иконы в 1393 г. только в конце XV — начале XVI в. начал складываться в самостоятельное сказание. В ЛЛС оно представлено в виде небольшой летописной статьи, заимствованной из Воскресенской летописи, и, как показал текстологический анализ, по списку Библиотечный П. Краткость летописной истории СТИ — примечательная особенность памятника, свидетельствующая о малой известности самого события на протяжении всего XV в., и на таком фоне особенно выразительна картина возвышения Образа. Анализ летописной истории СТИ указывает на укрепление ее политического культа в XVI в., и роль ЛЛС в этом процессе стала решающей. Сюжет о явлении иконы Богородицы простому поселянину на р. Колоча в Можайских пределах зафиксирован практически всеми общерусскими летописными сводами. Богатая летописная история СКИ охватывает период с XV по XVII в. Форма и содержание летописных статей о Колочской иконе разнообразны, что обусловлено целью и направленностью, в том числе политической, идеологической, того или иного свода. Как показал текстологический анализ, СКИ перешло в ЛЛС из Никоновского свода, сохранив все особенности летописной редакции. Звучание СКИ в политическом мифе эпохи Ивана Грозного было заметно приглушено, видимо, из-за того, что текст запечатлел семантическую память о борьбе XV в. можайских удельных княжат с великокняжеским домом.

Таким образом, три сказания о чудотворных иконах включены в ЛЛС из разнородных источников. Летописание второй половины XVI в. составило еще один этап в истории текста известных сюжетов. Анализ сказаний об иконах позволил выявить некоторые моменты в практике складывания ЛЛС, уточнить его отношения с Воскресенской и Никоновской летописями, сводом 1560 г., определить роль легендарных «биографий» икон в структуре ЛЛС.

Ключевые слова: Лицевой летописный свод, Воскресенская летопись, Никоновская летопись, Владимирская икона, Тихвинская икона, Колоцкая икона, сказание, текстология.

Под структурой Лицевого летописного свода (ЛЛС) понимают многоуровневую систему повествований (исторических, легендарных, воинских, агиографических, бытовых и т. д.), представленных в виде погодных записей, летописных рассказов и летописных повестей, и сопровождавших их миниатюр, включенных в эпический континуум¹.

В гетерогенной структуре ЛЛС рассказы об иконах (поклонение иконам, знамение от икон, целование икон, хождение с иконами и т. п.) — одна из важных его тем, связанных с историческим содержанием и публицистическим звучанием памятника.

В науке давно закрепилось положение об общественно-политическом значении сказаний об иконах, в содержании которых находили аргументы в защиту прав на власть князей, большей частью удельных. Историко-культурным контекстом для анализа сюжетов о чудотворных иконах в ЛЛС служат сочинения первой половины XVI в. (Слова 5–7 «Просветителя» Иосифа Волоцкого [Просветитель, с. 219–253], Слово 3 «Соборника» митрополита Даниила²), решения соборов середины XVI в. и, наконец, политика Ивана Грозного как защитника иконопочитания [Андреев; Подобедова; Лепяхин]. Церковные писатели отстаивали православное учение поклонения иконам, соборы осуждали нововведения в иконописи, царь неоднократно обращался к теме иконы в своих сочинениях и оставил следы своего преклонения перед святынями.

По словам С. С. Аверинцева, «на Руси философская работа ума осуществляла себя в пластических формах иконы» [Аверинцев, с. 17]. Образы воспринимались как памятники божественного освящения Русской земли. Сказания об иконах служили духовному просвещению православных.

ЛЛС изобилует событиями о постройке церквей, основании монастырей, строительстве городов, и многие из них сопровождаются явлениями и знаменами. Известия, краткие сообщения, свидетельства

¹ В. В. Морозов, назвав одну из глав своей монографии «Структура летописи и историческая концепция», представил составные части летописного свода [Морозов, с. 133–168].

² РГБ, ф. 173, собр. МДА/Л, № 197, л. 65–79 об.

об иконах в летописных сводах XVI в. воспринимаются как значимые исторические факты. Рассказ «О иконе Пречистой Одигитрии въ Цариградѣ» (1204 г.) примечателен тем, что передает сведения о написании иконы Богоматери евангелистом Лукой, которые определили стратегическое положение иконологии на Руси — особое почитание типа Одигитрии.

В летописании XVI в. повествования об иконах, история которых начиналась еще в XIV–XV вв., приобретают завершенные очертания. Этот факт объясняется формированием идеологии самодержавия, которая опиралась и на феномен чудотворного образа.

Приходом на Русь большого ряда перенесенных, явленных и писанных пустынноиками богородичных икон ознаменован период конца XIV — начала XV в.:

Иконы перенесенные	Иконы явленные
Пименовская (1381 или 1386 г., привезена митрополитом Пименом из Царьграда)	Тихвинская (1383)
Одигитрии (1381 г., две иконы отправлены из Царьграда епископом Суздальским Дионисием)	
Коневская (1393 г., привезена с Афона преп. Арсением)	Девпетерувская (1392)
Владимирская (1395 г., привезена в Москву по просьбе Василия Дмитриевича; по молитве Евдокии)	
Смоленская (1398 или 1404 г., привезена в Москву из Смоленска Юргой?, Софьей Витовтовной?, смоленским князем?)	Колочская (1413)
1456 г. — празднество «отпущения» иконы Василием Темным из Москвы в Смоленск	Макарьевская (1442)

Такая плотность «заселения» икон на Руси на рубеже XIV–XV вв., видимо, не случайность. Время Сергия Радонежского и Андрея Рублева отмечено строительством церквей, монастырей и довольно массовым созданием икон. Современные зарубежные исследователи подчеркивают «центральное положение XIV и еще более века XV как эпохи перехода от традиционного восприятия образов... к процессу приписывания отдельным изображениям автономных чудотворных качеств» [Баччи, с. 419].

На Руси этот процесс растянулся на века. Проповедь об иконе Римлянины, вошедшая в русскую традицию в конце XIV в., видимо, сыграла продуцирующую роль в развитии сказаний об иконах [Плюханова].

Перенесенные иконы, как правило, представляли собой списки с образов, писанных евангелистами, апостолами, митрополитами; их «биографии» обычно связаны с именами известных легендарных личностей. События, с ними сопряженные, приобретали исторический характер. Но эти обстоятельства, надо признать, не всегда становились в XV в. сюжетообразующим моментом для складывания самостоятельного повествования, получившего в книжной традиции жанровое определение — «сказание» [Кириллин, 2012, с. 207–209]. И не все летописи содержат сведения о них (например, Пименовская икона впервые упоминается в Степенной книге под 1404–1407 гг.).

Явленные иконы обычно имели хождение в народной среде, были связаны с бытовыми проблемами жизни человека, болезнями, душевными недугами, несчастьями. Основу «биографии» таких икон составляли исцеления. Евангельский топос — чудо целительства Христа (Мф 11:5; Лк 7:22; Ин 5:3–8) — и житейские ситуации обеспечивали жизнестойкость сюжетов, их сильную интенцию и активную рецепцию.

Историко-литературный процесс складывания и бытования сказаний о чудотворных иконах в русском Средневековье, ставших «одним из основополагающих феноменов национальной духовной культуры» [Чудотворная икона, с. 6], можно будет представить по результатам исследований многочисленных письменных источников. Эти работы в отечественной науке наиболее интенсивно ведутся последние двадцать лет, и некоторые обобщения уже можно делать. Симптоматично, что сказания об иконах (в качестве сложившейся художественной формы) появляются в книжной традиции, как правило, спустя много лет, даже столетия (например, Сказание о Толгской иконе), после событий, положенных в основу повествования. Словесная культура XVI в. богата художественными историями об иконах, во многом основанными на устной прозе.

В структуре ЛЛС выразительный повествовательный ряд представляют сюжеты о трех чудотворных иконах: Тихвинской (1383) [ЛЛС, кн. 10, с. 186–189], Владимирской (1395) [ЛЛС, кн. 11, с. 177–199] и Колочской (1413) [ЛЛС, кн. 12, с. 320–337] (см. рис. 1–3 на вклейке). Примечательно, что они связаны с именами сыновей Дмитрия Донского: великого князя Московского Василия Дмитриевича (Владимирская), Юрия Дмитриевича Звенигородского (Тихвинская), Андрея Дмитриевича Можайского (Колочская).

Иконы, как видим, помещены в центр композиции миниатюр и обращены к зрителю, а человек развернут к образу. Визуальный сюжет полнее вербального: так, Тихвинская икона поставлена на древо, хотя такой детали в тексте нет. Положение иконы на древе — один из распространенных топосов сказаний о явленных иконах³. На миниатюре

³ На Международной научной конференции «Лицевой летописный свод царя Ивана Грозного» (Мюнхен, 7–9 декабря 2011 г.) на эту тему был прочитан очень интересный доклад М. Б. Плюхановой.

ЛЛС сохранился первоначальный вариант Колочской иконы — это складень: по обе стороны образа Богородицы Умиление изображены Никола Мирликийский и Илья-пророк⁴. В тексте «Сказания о Колочской иконе» тип иконы Богородицы не обозначен. Таким образом, миниатюристы ЛЛС «дописывали» словесный текст, придерживаясь сложившейся культурной традиции.

Начала трех сказаний в ЛЛС имеют разное оформление. Киноварные заголовки в ЛЛС, сам вид надписаний указывают на характер источников. Пространное многосоставное название «Сказания о Владимирской иконе»:

Повѣсть на стрѣтѣнне чудотворнаго образа Пречистыя Владычица наша Богородица и Приснодѣвы Мариа, егоже написа богогласныи еуангелнстѣ Лука, самовидно зря на истиннѣю Богородицѣ при животѣ Ея; и како божественая та икона выстѣ в Рѣстѣи земли, первое во градѣ Киевѣ и в Вышеградѣ въ церкви преславно на воздѣсе являеся; и како преиде во градѣ Владимирѣ и отнелѣ же нарицашеся икона Владимирская, и еяже ради вины преиде въ боголюбивыи царствѣющій градѣ Москву, и паче надежда сѣгѣво чюдесно избавленне намѣ содѣя от нахожденна безвожнаго и зловѣрнаго отѣ царя ТемирѣАксака; и о составленни монастыря, идѣже срѣтоша тои Пречестныи Богородици образѣ. **Благослови, отче!** —

раскрывает фабулу повествования, специально составленного для ЛЛС, как считает В. Гребенюк [Гребенюк, 1972, с. 340], или для Степенной книги, как полагает Б. М. Клосс: «Из Степенной книги Сказание о Владимирской иконе Богородицы перешло в Лицевой летописный свод Ивана Грозного, составленный в 1568–1576 гг.» [Клосс, 2001, с. 134]. Предполагается, что автором «Сказания о Владимирской иконе» могли быть митрополит Макарий или протопоп Афанасий.

Односложный киноварный заголовок «Сказания о Тихвинской иконе» типичен для летописной статьи: **В начале образа явленне Пречистыя Богородица еже на Тихвинѣ**. Он вводит в структуру ЛЛС рассказ о явлении образа в Новгородских пределах. Его сюжет уже был известен в книжной традиции по ранним редакциям памятника, сложившимся, согласно убедительной концепции В. М. Кириллина,

⁴ Образ хранился в Успенском соборе Колоцкого монастыря, основанного князем Андреем Дмитриевичем. Во времена Смуты монастырь был разорен, икона исчезла. В XVIII в. началось возрождение монастыря, видимо, тогда же был составлен новый вариант иконы, отличающийся от чудотворного: это уже не икона-складень, на центральной линии расположены Богородица, Одиотрия, Николай Чудотворец и Илья-пророк, на верхнем поле изображены Святая Троица, Иоанн Предтеча, Симеон Богоприимец, на нижнем поле — Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Авраамий Смоленский, Пафнутий Боровский. Такая сложная композиция уже не связана с текстом «Сказания о Колочской иконе».

в конце XV в. (редакция А) и начале XVI в. (редакция Б) [Кириллин, 2007, с. 35–74, 242–244]. В ЛЛС повествование о Тихвинской иконе попадает из Воскресенской летописи (ВЛ), составленной в 1542–1544 гг. [Левина, 1989].

«Сказание о Колочской иконе» в ЛЛС заимствовано из Никоновской летописи (НЛ), положенной в основу иллюминированного свода. Отсутствие названия рассказа о явлении иконы на Колоче указывает на летописную природу текста, в начале которого приведена родословная формула исторического лица:

Того же лета. От Можанска за 15 верст в отчине князя Андрея Дмитриевича, внука Иванова, правнука Иванова же, праправнука Даниила Московского, явился знамение в Колочи.

Таким образом, три сказания о чудотворных иконах включены в ЛЛС из разнородных источников. Летописание второй половины XVI в. отражает еще один этап развития истории текста известных сюжетов.

«Повесть о сретении Владимирской иконы», или «Сказание о Владимирской иконе», подытоживает многовековую историю почитания *перенесенной* иконы, писанной евангелистом Лукой, привезенной в XII в. из Царьграда в Киев и ставшей в XVI в. палладиумом Московской Руси [Щенникова, с. 252]. В работах В. П. Гребенюка установлены источники «Повести», описана история создания сложного летописного текста, определена цель сочинения как развитие идеи политического объединения бывших удельных княжеств [Гребенюк, 1972; Гребенюк, 1997]. Сочинение интересно тем, что в нем видны многие тенденции развития древнерусской книжности эпохи Ивана Грозного. Одна из особенностей текста «Повести» заключена в ее многофигурной архитектонике, которая конгениальна структуре ЛЛС, что лишней раз указывает на ее связи с историей происхождения свода.

Сопоставление повествований о *явленных* иконах — Тихвинской и Колочской — позволит выявить некоторые моменты в практике складывания Лицевого свода.

Летописная история рассказа о явлении Тихвинской иконы коротка. На протяжении всего XV в. многочисленные летописи не содержат никаких сведений об этом чудотворном образе. Богатая новгородская летописная культура никак не повлияла на формирование повествования о местной святыне.

В списках НЛ рассказа о явлении иконы на Тихвине в 1383 г. нет⁵. Но примечательно, что редакция Б «Сказания о Тихвинской иконе» находится в сборнике РГБ, Волоколамское собр., № 659,

⁵ И. А. Иванова посчитала, что в Никоновской летописи содержится текст, тождественный тексту Воскресенской летописи. Исследователь опиралась на издание Патриаршей, или Никоновской, летописи в ПСРЛ, где фрагмент о Тихвинской иконе вставлен по списку Лицевого летописного свода [Иванова, с. 242].

1536 г., л. 425 об.–428, одним из составителей которого был Фома Шмоилов, он же один из основных писцов Никоновского свода [Клосс, 1980, с. 82–83]. Следовательно, ко времени составления НЛ (конец 20-х — начало 30-х гг. XVI в.) летописной версии рассказа о Тихвинской иконе не существовало, а составители Никоновского свода не использовали в качестве источника уже существовавшую редакцию А «Сказания о Тихвинской иконе». Скорее всего, редактор НЛ в первую очередь опирался на летописные источники как более достоверные и официальные, а книжные сочинения, бытовавшие в четвѣх сборниках, не выдерживали его критериев отбора материала. Может быть, складывавшиеся в первой половине XVI в. литературная история «Сказания о Тихвинской иконе» и легендарная биография Образа не были пока настолько авторитетны, чтобы служить «пропуском» для вхождения в памятники общерусского летописания.

Объяснения тому факту, что русское летописание почти полтора века молчало о явлении иконы на Тихвине, в науке пока не найдено. Существует версия так называемой реальной «биографии» иконы, возникшая из предположения Д. В. Айналова, описанная В. И. Антоновой [Антонова], поддержанная В. Н. Лазаревым [Лазарев], развитая А. Яаскинен [Jääskinen, p. 37–41], дополненная В. М. Кириллиным, признавшим вопрос открытым [Кириллин, 2007, с. 99–100]. Согласно этой концепции, в 1383 г. иконописцем Игнатием Греком был написан образ (или его список) Богоматери Одигитрии и преподнесен сыну Дмитрия Донского Юрию, будущему князю Звенигородскому. Может быть, этот прозаический сюжет не привлек внимания летописцев XV в., которые ставили чудеса от икон на службу политической борьбы великокняжеского дома, хотя Юрий Звенигородский был одной из пассионарных фигур своего бурного времени.

Легендарная «биография» Тихвинской иконы (чудесное явление, строительство храмов и т. д.) складывалась в конце XV в., о чем красноречиво свидетельствуют ранние редакции «Сказания о Тихвинской иконе».

Первый раз в истории русского летописания рассказ о явлении Тихвинской иконы появился в составе Воскресенской летописи, связанной с московской литературной традицией. В. М. Кириллиным высказано предположение о позднем (по сравнению с редакциями А и Б) появлении в летописи рассказа о явлении Тихвинской иконы, им установлены текстуальные совпадения летописной статьи с редакцией Б «Сказания о Тихвинской иконе» [Кириллин, 2007, с. 46–50]. Среди источников ВЛ сведений о Тихвинской иконе нет, и С. А. Левина пришла к выводу, что «источник Воскресенской летописи не может быть возведен ни к одному из предшествовавших ей летописных сводов» [Левина, 1957, с. 697]. Следовательно, можно предположить, что редактор ВЛ был автором летописного рассказа о явлении образа Богородицы на Тихвине. В. С. Иконников считал

редактором Воскресенской летописи митрополита Иоасафа [Иконников, с. 1187], С. А. Левина высказывала предположение, что составитель Воскресенской летописи был сторонником Шуйских [Левина, 1955, с. 377]. Во всяком случае, именно летописец включил свою версию текста о Тихвинской Богоматери в систему хронологического повествования, обозначив редакторский замысел в заглавии. «Заголовок, — по словам П. А. Флоренского, — есть поистине ипостась самого произведения в адресованной читателю авторской интенции» [Флоренский, с. 287]. В названии летописного рассказа редактор оговаривает цель своего изложения: привести только начало уже известного «Сказания» (**В начале явлении...**). В основу сюжета он положил мотив путешествия образа, послуживший стержнем легендарной «биографии» Тихвинской иконы:

...явилася икона... въ области Великого Новагорода... того же никтоже вѣсть, откѹду явилася... и бысть... чюдеса многа, и тѹ поставиша церковь въ имя Рожества святыя Богородица;

...сошла невидимо да явилася на Кожелѣ, оттоле двадесять верстѹ на Кѹковѣ горѣ, и на томѣ мѣстѣ поставиша церковь во имя Покрова святыя Богородица;

оттогѣ явилася на Тихвинѣ, надѣ рѣкою, на горѣ икона образъ Пречистые на въздусѣ... и на томѣ мѣстѣ на горѣ заложиха церковь... въ имя честнаго Бѣя Успенна.

Последовательный ряд основанных на месте явления иконы церквей: Рождества — Покрова — Успения — как бы выписывает агиотопографию Богоматери, которая, согласно легенде, «рекла: “Сама хочу на Руси жити”». Освящение Богородичным образом Русской земли стало основополагающей семантикой «Сказания о Тихвинской иконе». Чудо — само явление иконы. Чудеса, творимые иконою, — топика сюжета: **Велика чюдеса верю приходящим**. Травеложный элемент «роднит» Тихвинскую икону с иконой Римской, известной своими дальними странствованиями.

Заканчивается летописная статья ВЛ о Тихвинской иконе сообщением о семилетнем стоянии церкви (даты 1390 г. или 1395 г. не приводятся) и пожаре «от свечи», в результате которого сгорела церковь, а икону **обретоша неврежену и поставиша ину церковь**. Летописец путает факты: в редакции Б сообщается о двух пожарах, и дважды икону находили невредимой. В ВЛ оставлен один эпизод о пожаре, видимо втором (1395), когда икону **обретоша в пепелу** (а первый раз ее нашли в можжевельнике). Замысел летописца подчинен задаче историософского повествования: пополнить событийный ряд политической жизни Руси и рассмотреть историю человечества как «историю божественного попечительства над человеком» [Еремин, с. 70]. Сюжет о чудотворной иконе логично вписывался в структуру официального свода московского летописания.

Дословных совпадений летописной статьи с редакцией Б «Сказания» немного, поэтому целесообразно оценить летописный рассказ ВЛ как производный текст, несущий в себе память первоисточника. Составители ЛЛС, не обнаружив известия о Тихвинской иконе в НЛ, нашли его в ВЛ. Может быть, их спровоцировало на поиск информации о местнотимых святынях основание Тихвинского монастыря в 1560 г. по повелению Ивана IV. Событийный ряд ВЛ в статье за 1383 г. беднее, нежели в НЛ и ЛЛС.

Надо признать, что Воскресенская летопись изучена недостаточно полно, несмотря на значительные результаты исследований С. А. Левиной [Левина, 1989]. Рассказ о Тихвинской иконе содержат списки, представляющие вторую часть летописи — за 1354–1541 гг.: Парижский (РНБ, F.IV.678, вторая половина XVI в.), Синодальный (ГИМ, Синод. собр., № 144, вторая половина XVI в.), Уваровский (ГИМ, собр. Уварова, № 567, вторая половина XVI в.), Библиотечный II (РНБ, F.IV.585, середины — конца XVI в.) [Левина, 1984]. Датировка списков этой группы близка ко времени создания ЛЛС. Попытаюсь на основе текстологического анализа установить источник рассказа о Тихвинской иконе в ЛЛС. Безусловно, составитель не пользовался Парижским списком, положенным А. Ф. Бычковым в основу публикации Воскресенской летописи в ПСРЛ, а, вероятнее всего, держал перед собой текст, близкий к Библиотечному II и Карамзинскому спискам (последний является копией Библиотечного), на что указывает таблица приведенных ниже разночтений:

Летописный рассказ о явлении Тихвинской иконы в 1383 г.

ВЛ, Парижский список [ПСРЛ, т. 8, с. 48]	ВЛ, Библиотечный список II	ЛЛС [ЛЛС, кн. 10, с. 186–189]
В началѣ явленна иконы, образа Пречистые, иже естъ нынѣ на Тихвинѣ	В началѣ явленне иконы, образа Пречистые Богородицы, иже естъ нынѣ на Тихвинѣ	В начале образа явление Пречистыа Богородица еже на Тихвинѣ
явилася икона, образъ Пречистые Богородица Одигитрие	явилася икона Пречистые Богородица Одигитриа	явилася икона, образ Пречистыа Богородица Одигитрие
и высть отъ тоа иконы ... чюдеса многа	и выша от тоя ... иконы чюдеса многа	и выша от тоя иконы ... чюдеса многа
поставиша церковь во имя <u>Рождество</u> святыа Богородица	поставиша церковь во имя <u>Рождества</u> святыа Богородица	поставиша церковь во имя <u>Рождества</u> святыа Богородица

поставиша церковь по имя <u>Покровъ</u> святыя Богородица	поставиша церковь по имя <u>Покрова</u> святыя Богородица	поставиша церковь по имя <u>Покрова</u> святыя Богородица
сѣбрашася множество народа на великое <u>чюдо то</u>	сѣбрашася множество народа на великое <u>то</u> <u>чюдо</u>	сѣбрашася множество народа на великое <u>то</u> <u>чюдо</u>
и оттоле <u>начатъ</u> быти ꙗ Пречистые <u>Богородица</u> на Тихвинѣ велиа чюдеса вѣрою приходящимъ	и оттоле <u>нача</u> быти ꙗ Пречистые <u>Богородицы</u> на Тихвинѣ велиа чюдеса вѣрою приходящихъ	и оттоле <u>нача</u> быти ꙗ Пречистые <u>Богородицы</u> на Тихвинѣ велиа чюдеса вѣрою приходящимъ
иконꙋ обретоша невреженꙋ	иконꙋ обретоша невреженꙋ	иконꙋ обрѣтоша невреженꙋ <u>въ пепелꙋ</u>

Как видим, сопоставление текстов ВЛ и ЛЛС выявило ряд вариантовных чтений. В первую очередь обращает на себя внимание одна деталь в заглавии: придаточное предложение в ВЛ «иже есть ныне на Тихвине» согласовано с существительным мужского рода «образ», наречие «ныне» здесь по смыслу вполне оправданно (образ, икона находится и ныне на Тихвине). В заглавии ЛЛС определение «еже на Тихвине» отнесено к слову среднего рода «явление», и наречие времени действия («ныне») уже не уместно. Следовательно, перед нами не механическое копирование текста составителем ЛЛС, а сознательная редакторская обработка текста источника. В последнем примере чтение ЛЛС более полно: указано, что икону нашли невредимую «в пепелу». Эту деталь передает редакция Б «Сказания о Тихвинской иконе»: «А чудотворную икону обрѣтоша в пепелу благодатию Божию цѣлу» [Кириллин, 2007, с. 243]. Связь текста ЛЛС с одним из списков ВЛ, например группы Библиотечного списка, прослеживается на ряде чтений, которые по своему характеру отличаются от Парижского списка грамматическими формами: «бысть — быша», «начатъ быти — нача быти» (словесные конструкции Библиотечного списка и ЛЛС известны по редакции Б «Сказания»); согласованием приложений: «церковь во имя Покровъ — церковь во имя Покрова» (в редакции Б «поставиша церковь Покровъ»), «церковь во имя Рождество — церковь во имя Рождества» (в редакции Б «поставиша церковь Рождество»).

Совмещение образа Богоматери Тихвинской с Римской (Лиддской) иконой, произошедшее в «Повести на сретение чудотворного образа Богородицы Владимирской», — начало нового этапа легендарной биографии иконы Одигитрии Тихвинской. Сведение о Тихвинской иконе во фрагменте «О всенародном благонадежном молении пред образом Богоматери»:

...сама икона изыде из Римския церкви на море и принде въ Царствующий градъ при благочестивомъ цари Муханле и матери его Феодоре въ лета русскаго великаго князя Рюрика, потом же въ нашей Руской земли на реце на Тихвинѣ, на воздуче явися, святыми ангелы невидимыми носима, идеже и ныне пребывая, бесчислена чюдеса содевая и исцеление подавая неоскудно всемъ съ верою приходящимъ [ЛЛС, т. 10, с. 278] —

составная часть политического мифа эпохи Ивана Грозного. Текстуальных связей этого отрывка с летописным рассказом 1383 г. не установлено. Поздние редакции «Сказания о Тихвинской иконе» (В, Г, Д) сохраняют неведение о происхождении Тихвинской святыни: **Бог вестъ, отколе принде**, но в заключительной части приводят «свидетельства неких новгородских гостей о предыстории Тихвинской святыни, о ее связи с иконой Одигитрии, исчезнувшей из Константинополя» [Кириллин, 2007, с. 147]. Идею тождества Тихвинской и Римской икон Р. Фрётшнер приписывает митрополиту Макарию и датирует ее серединой XVI в. [Frötschner, S. 213].

Таким образом, анализ летописной истории «Сказания о Тихвинской иконе» указывает на возвышение святыни, на укрепление ее политического культа на протяжении XVI в., и роль ЛЛС в этом процессе стала решающей.

Иная судьба у «Сказания о Колочской иконе». Богатая летописная история этого сюжета охватывает период с XV по XVII в. [Журова, 2000, с. 89–138], и XVI в. — принципиально важный этап бытования сюжета в составе крупных проектов русской книжности времени становления московского самодержавия: Никоновской летописи, Лицевого летописного свода и Степенной книги. Икона была обретаема **неким человеком именем Лука, простых люден... на некоем древе в некоем месте**. Д. С. Лихачев писал, что в XVI в. «сама официальная литература, становившаяся все более сухой, нуждалась в оживлении, и это оживление приходило от быта, от “низких” тем, от бытовой речи» [Лихачев, с. 137].

Почти все общерусские летописные своды XV в. содержат погодные записи или краткие рассказы о явлении иконы Богородицы в 1413 г. в 15 верстах от Можайска на реке Колоча, в отчине князя Андрея Дмитриевича. Это было первое явление чудотворной иконы в непосредственной близости от Москвы. Самое раннее письменное сведение об этом событии сохранилось на доске переплета пергаменной рукописи XIII в., Паремийника, вкладная запись в Софию Новгородскую гласит:

повелением владыки Ивана, а изисканием Матфея Кускова, а писал Василни дьяк св. Дмитрия в лето 6921,

затем продолжение:

А сего лета от Можанска града за 10 верст в селе Андрея князя Дмитриевича от иконы Пресвятыя Владычица наша Богородица явилоса жалованья и прощения людем много, слепым, хромым, разслабленным, глухим и иным, нъ несть мощно сказати или исчести их, ум человекъ не может изрещи, колико человеколювию Божие и какова милость на людех [Абрамович, с. 93].

Этот топос с небольшими вариациями присутствует во всех летописных известиях и вошел в композицию летописного «Сказания о Колочской иконе». Рассказ о явлении иконы в Можайских пределах получил очень большое распространение в русской летописной традиции. В советской науке его чаще всего обозначали как «Повесть о Луке Колочском». Но в книжной традиции события 1413 г. переданы в форме повествований о явлении чудотворного образа, о чем свидетельствуют заголовки текстов:

О иконе Пречистыя Богородицы, иже от Можанску на Колоче (редакция Летописная-1, по Архивскому летописцу),

О явлении Пречистыя Богородицы, иже на Колотче (редакция Летописная-2),

О явлении чудотворного образа Пречистыя Богородицы и о начале монастыря Свя Колоческаго (редакция Степенной книги),

Сказание о явлении чудотворного образа Пресвятыя Богородицы, иже на Колоче (Краткая редакция),

Сказание о явлении иконы Пресвятыя Богородицы Колочския (Синодальная редакция),

Явление иконы Пречистыя Богородицы и Приснодевы Марии, нарицаемая Смоленския, иже на Колоче реке во области Можайска града (Проложная редакция) [Журова, 2000, с. 225, 230, 239, 247, 250, 255].

Икона явилась простому поселянину Луке, эта демократическая нота отозвалась с разной степенью звучания практически во всех летописных сводах XV–XVII вв. Варианты названий в истории текста указывают на особенности его рецепции, они в первую очередь отражают восприятие сочинения читателями и его функционирование в историческом времени.

Форма и содержание летописных статей о Колочской иконе разнообразны, что обусловлено целью и направленностью, в том числе политической, идеологической, того или иного свода. Приведенная ниже таблица представляет широкую картину распространенности сюжета о явлении Колочской иконе, в отличие от рассказа о Тихвинской Одигитрии.

**Сюжет о явлении Колочской иконы в памятниках
русского летописания XV–XVII вв.**

Погодная запись	Летописное известие	Летописный рассказ	Летописная повесть 1	Летописная повесть 2	Редакция Степенной книги	Летописная повесть 3
Софийская I	Софийская II	Московский свод 1479 г.	Никоновская летопись	Русский Временник (свод 1533 г.)	Степенная книга	Свод 1592 г.
Новгородская IV	Львовская	Воскресенская	ЛЛС		Сборники XVI–XVII вв.	Свод 1652 г.
Никаноровская	Ермолинская	Типографская	Свод 1560 г.			Мазуринский летописец
Вологодско-Пермская	Сокращенные своды 1493 и 1495 гг.	Симеоновская				
Летопись Авраамки. Новгородская V летопись	Устюжский летописец	Хронограф 1512 г. (особая редакция рассказа)				
Памятники раннего общерусского летописания XV в.	Памятники независимого летописания XV в.	Памятники официального московского летописания				

Краткие известия (в виде погодной записи) о явлении иконы на Колоче содержат памятники раннего общерусского летописания XV в.: Софийская I, Новгородская IV, Летопись Авраамки, Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи. Упоминания об убогом ратае Луке, обретшем икону, о хождении с ней по городам и селам и встрече святыни Можайским князем здесь нет. Независимое летописание XV в. (Софийская II, Львовская, Ермолинский летописец, Сокращенные своды 1493 и 1495 гг.) уже содержит рассказ о сретении иконы князем Андреем Дмитриевичем. Поселянин Лука как главный герой повествования впервые появится только в Устюжском летописце. Официальное московское летописание (МС 1479 г.) сокращает рассказ о сретении, убирает имя князя, лишая тем самым повествование каких-либо политических (удельных) тенденций (Иван Можайский бежит в Литву; Можайск в 1454 г. присоединяют к Москве). В таком варианте сюжет вошел в летописи XVI в.: Типографскую, Симеоновскую и Воскресенскую. О сложности летописной истории сюжета о

явлении Колочской иконы свидетельствует также история текста в Хронографе 1512 г. [Журова, 1985, с. 24].

Развернутое повествование о явлении иконы «человеку просту» Луке, которого стали чтить, «яко пророка или яко апостола», появилось в НЛ; затем оно было использовано составителями Румянцевской летописи и Архивского летописца, представляющими свод 1560 г. Так складывалась редакция Летописная-1. В Русском временнике, или своде 1533 г., отразился уже следующий этап летописной истории «Сказания о Колочской иконе» — редакция Летописная-2. Клосс считает, что «летописный свод 1560 г. составлен в середине 60-х гг. XVI в.; в Русском временнике использован тот же свод 1560 г., но только в части до 1533 г.» [Клосс, 1980, с. 203]. Две летописные редакции «Сказания о Колочской иконе» указывают на самостоятельное существование свода 1533 г., что укладывается в концепцию А. Н. Насонова [Насонов, с. 418–477]. Последним звеном летописной истории памятника стали своды 1592 и 1652 гг.

В ЛЛС «Сказание о Колочской иконе» передано в редакции Летописная-1, и, как показал текстологический анализ, установлено словное совпадение текста ЛСС с НЛ:

Никоновская летопись, Лицевой летописный свод	Русский временник	Степенная книга. Степень XIII. Глава 27
<p>Того же лета</p> <p>от Можанска за 15 верстѣ в отчинѣ князя Андрѣя Дмитриевича, внука Иванова, правнука Иванова же, праправнука Данила Московскаго, явился знамение въ Колочи.</p> <p>Нѣкии человекѣкъ именем Лука, простыхъ люди, ратоевъ ѹбогихъ, послѣднен въ нищетѣ сын, на нѣкоемъ древѣ въ нѣкоемъ мѣстѣ наиде икону Пречистыа Богородици [ПСРЛ, т. 11, с. 221]</p>	<p>В лето 6921</p> <p>бысть во области князя Андрѣя Дмитриевича, брата великаго князя Василия, во предѣлахъ града Можанска, от града яко 15 верстѣ, есть место зовомое Колоча, идѣже живын нѣкто человекѣкъ простѣ, поселянинѣ, земледѣлецъ именем Лука. И тон нѣкогда хожаше в лѣсе близъ жилища своего и видѣ на нѣкоемъ древе икону стоящу со двема затворцы⁶</p>	<p>В лето 6921. Правящу тогда скипетро царствиа Русьскаго благочестиа держателю, христолюбивому великому князю Василию Дмитриевичю, бысть во области брата его князя Андрѣя Дмитриевича, въ предѣлахъ града Можанска, яко 15 верстѣ, есть место, Колоча зовомо, идеже жилище имьи некии человек простѣ поселянинѣ, земледелецъ ѹбогъ именемъ Лука. И тон нѣкогда хожаше в лѣсе близъ жилища своего и видѣ на нѣкоемъ древѣ икону со двема затворцы стоящу [Степенная книга, с. 115]</p>

⁶ ГИМ, собр. Черткова, № 115 б, л. 80.

Для Летописной-1 редакции характерна родословная формула удельного князя, в вотчине которого было знамение. Единичные разночтения НЛ и ЛЛС, скорее всего представляют собой писцовые ошибки:

Никоновская летопись	Лицевой летописный свод
и взем ю, цѣлова съ вѣрою многою	и взем ю, съ вѣрою цѣлова
и снѣ слышано высть от всѣхъ	и снѣ слышав от всѣхъ

Списки свода 1560 г. (Архивский летописец) имеют чуть больше разночтений с текстом ЛЛС (например, в них читается «обрете икону» вместо «наиде икону»), что еще раз указывает на близость лицевой рукописи к Никоновскому своду.

В науке поставлен вопрос о зависимости ЛЛС и Степенной книги (Ст), и одно из признанных решений таково: текст ЛЛС вторичен по отношению к Ст. Результаты анализа сюжета о явлении Колочской иконы не вписываются в сложившуюся концепцию.

В Ст текст «Сказания о Колочской иконе» основан на варианте Русского временника. Он отличается от повествования НЛ и ЛЛС рядом существенных деталей. Например, одной из показательных его черт следует признать элиминирование личности удельного князя Андрея Можайского и возвышение роли великого князя Московского Василия Дмитриевича, хотя последний не был даже участником сретения иконы в Москве. Сюжет о явлении чудотворной святыни стал привязываться к имени Василия Дмитриевича, занявшего 13-ю степень «Книги царского родословия». Концентрация материалов вокруг великого князя объясняется политикой укрепления самодержавной власти. Совершенно очевидно, что составители Ст и ЛЛС использовали разные источники, передавая рассказ о явлении образа Богородицы на Колоче. Преувеличение значимости московского князя в можайских событиях продолжится в книжной традиции: в редакциях конца XVI–XVII вв. Василий Дмитриевич появится в сцене сретения Колочской иконы:

Никоновская летопись, Лицевой летописный свод	Русский временник	Степенная книга	Свод 1592 г., Свод 1652 г.
Таже отгуду поиде Лука со иконою к Москвѣ. И срѣтоша ея со кресты митрополит со епископы	Таже отгуду поиде Лука со иконою к Москвѣ. И срѣте ея сам пресвященный Фотѣн, митрополит всея Руси, со епископы	Таже отгуду поиде Лука со иконою к Москвѣ. И срѣтоша ея сам пресвященный митрополитъ Фотии всеа Русии и со епископы	Оттолѣ иде Лука к Москвѣ. И срѣте чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Фотии митрополит со крѣсты и великий князь Василни Димитриевич со князи и боляры и со множеством народа

В книжной традиции XVII в. занимательный рассказ о несправедливой жизни Луки будет сокращаться, а повествование о явлении Кололочской иконы приобретет архитрадиционную форму.

Таким образом, звучание «Сказания о Кололочской иконе» в политическом мифе эпохи Ивана Грозного было заметно приглушено, видимо, из-за того, что текст запечатлел семантическую память о борьбе XV в. можайских удельных княжат с великокняжеским домом.

Популярность Тихвинской и Владимирской иконам обеспечили легендарные биографии, связавшие их с византийскими святынями. Скромное место в иконологии Кололочской иконы оправдано евангельской притчей: «много званых, а мало избранных» (Мф 20:16).

Список литературы

- Абрамович Д. И.* Описание рукописей С-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1905. Вып. 1. 585 с.
- Аверинцев С. С.* Крещение Руси // Русская духовная культура. Тренто, 1992. С. 15–21.
- Андреев Н. Е.* Иоанн Грозный и иконопись XVI века // *Seminarium Kondakovianum*. 1938. Т. 10.
- Антонова В. И.* Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 14. С. 569–572.
- Баччи М.* Чудотворный образ: категория историографии? // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 416–438.
- Гребенюк В. П.* Лицевое «Сказание об иконе Владимирской Богоматери» // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. Сб. 1. С. 338–363.
- Гребенюк В. П.* Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997. 287 с.

- Еремин И. П. «Повесть временных лет» как памятник литературы // Еремин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М. ; Л., 1966. С. 42–97.
- Журова Л. И. К вопросу об источниках Хронографа ред. 1512 г. // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 24–31.
- Журова Л. И. Сказание о Колочской иконе. Новосибирск, 2000. 260 с.
- Иванова И. А. Летописные сведения об иконе «Богоматерь Тихвинская» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 242–244.
- Иконников В. С. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 2. С. 1057–1956.
- Кириллин В. М. Жанрово-тематические особенности древнерусских сказаний об иконах // Кириллин В. М. Очерки о литературе Древней Руси. Сергиев Посад, 2012. С. 207–214.
- Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М., 2007. 312 с.
- Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001. 488 с.
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. 312 с.
- Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 1983. 152 с.
- Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи // ТОДРЛ. М. ; Л., 1957. Т. 13. С. 689–705.
- Левина С. А. Летопись Воскресенская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 : Вторая половина XV–XVI в. Л., 1989. Ч. 2. С. 39–42.
- Левина С. А. О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI в. // ТОДРЛ. М. ; Л., 1955. Т. 11. С. 375–379.
- Левина С. А. Списки Воскресенской летописи // Летописи и хроники : Сборник статей. М., 1984. С. 38–58.
- Лепяхин В. В. Икона и иконопочитание глазами русских и иностранцев. М., 2005. 275 с.
- Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973. 254 с.
- ЛЛС — Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2010. Кн. 10. 500 с.; Кн. 11. 538 с.; Кн. 12. 478 с.
- Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. 285 с.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI–XVIII вв. М., 1969. 556 с.
- Плюханова М. Б. Проповедь на Торжество православия и сочинение «Об обидах Церкви»: к вопросу об экклезиологических основах учения о третьем Риме // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 549–564.
- Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. 208 с.
- Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1904. 551 с.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Воскресенская летопись. Т. 8. СПб., 1859. 302 с.; Т. 11. М., 1965. 262 с.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. 559 с.
- Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М., 1990. 346 с.
- Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / под ред. А. М. Лидова. М., 1996. 559 с.
- Щенникова Л. А. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки» // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. С. 252–302.
- Frötschner R. Heilige Rus' — Neues Israel — Drittes Rom. Die Verehrung der Gottesmutterikone von Tichvin als Element der politischen Mythologie des Moskauer Reiches unter Großfürst Vasilij III. und Zar Ivan IV // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 2004. 52/2. S. 188–237.
- Jääskinen A. The Icon of the Virgin of Tikhvin: A study of the Tikhvin monastery palladium in the hodegetria tradition. Helsinki, 1976. 286 p.

References

- Abramovich, D. I. (1905). *Opisanie rukopisej S-Peterburgskoj duhovnoj akademii. Sofijskaya biblioteka* [A Description of Manuscripts of the Saint Petersburg Theological Academy. The Sophia Library]. (Vol. 1). 585 p. Saint Petersburg.
- Andreev, N. E. (1938). Ioann Grozny'j i ikonopis' XVI veka [Ivan the Terrible and Icon Painting of the 16th Century]. In *Seminarium Kondakovianum*. (Vol. 10).
- Antonova, V. I. (1958). Neizvestny'j hudozhnik Moskovskoj Rusi Ignatij Grek po pis'menny'm istochnikam [The Unknown Painter of Muscovy Ignatius the Greek According to Written Sources]. In *TODRL* (Vol. 14, pp. 569–572). Leningrad.
- Averincev, S. S. (1992). Kreshhenie Rusi [The Christianization of Russia]. In *Russkaya duhovnaya kul'tura* (pp. 15–21). Trento.
- Bachchi, M. (2011). Chudotvornyj obraz: kategoriya istoriografii? [The Wonderworking Icon: A Category of Historiography?]. In *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Materialy. Publikacii*. (Vol. 2, pp. 416–438). Saint Petersburg.
- Eremin, I. P. (1966). «Povest' vremenny'h let» kak pamyatnik literatury' [The Primary Chronicle as a Work of Literature]. In Eremin, I. P. *Literatura Drevnej Rusi (e'tyudy' i harakteristiki)* (pp. 42–97). Moscow, Leningrad.
- Florenskij, P. A. (1990). *U vodorazdelov my'sli* [At the Watersheds of Thought]. 346 p. Moscow.
- Frötschner, R. (2004). Heilige Rus' — Neues Israel — Drittes Rom. Die Verehrung der Gottesmutterikone von Tichvin als Element der politischen Mythologie des Moskauer Reiches unter Großfürst Vasilij III. und Zar Ivan IV. In *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*, 52/2, pp. 188–237.
- Grebennyuk, V. P. (1997). *Ikona Vladimirskoj Bogomateri i duhovnoe nasledie Moskvy'* [The Theotokos of Vladimir and the Spiritual Legacy of Moscow]. 287 p. Moscow.
- Grebennyuk, V. P. (1972). Licevoe «Skazanie ob ikone Vladimirskoj Bogomateri» [The Illustrated Chronicle's Legend of the Theotokos of Vladimir]. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga* (Iss. 1, pp. 338–363). Moscow.
- Ivanova, I. A. (1969). Letopisny'e svedeniya ob ikone «Bogomater' Tihvinskaya» [Manuscript Data on the Theotokos of Tikhvin]. In *TODRL* (Vol. 24, pp. 242–244). Leningrad.
- Ikonnikov, V. S. (1908). *Opyt po istoriografii* [An Essay on Historiography] (Vol. 2, book 2, pp. 1057–1956). Kiev.
- Jääskinen, A. (1976). *The Icon of the Virgin of Tikhvin: A study of the Tikhvin monastery palladium in the hodegetria tradition*. 286 p. Helsinki.
- Kirillin, V. M. (2012). Zhanrovo-tematicheskie osobennosti drevnerusskikh skazanii ob ikonah [Genre and Thematic Peculiarities of Old Russian Legends of Icons]. In Kirillin, V. M. *Očerki o literature Drevnej Rusi* (pp. 207–214). Sergiev Posad.
- Kirillin, V. M. (2007). *Skazanie o Tihvinskoj ikone Bogomateri «Odigitriya»* [The Legend of the Theotokos of Tikhvin of the Hodegetria Type]. 312 p. Moscow.
- Kloss, B. M. (2001). *Izbranny'e trudy'*. T. 2. Očerki po istorii russkoj agiografii XIV–XVI vekov [Selected Works. Vol. 2. Essays on the Russian Historiography of the 14th – 16th Centuries]. 488 p. Moscow.
- Kloss, B. M. (1980). *Nikonovskij svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [The Nikon Chronicle and Russian Manuscripts of the 16th – 17th Centuries]. 312 p. Moscow.
- Lazarev, V. N. (1983). *Russkaya ikonopis' ot istokov do nachala XVI veka* [Russian Icon Painting from the Start until the Early 16th Century]. 152 p. Moscow.
- Lepahin, V. V. (2005). *Ikona i ikonopochitanie glazami russkikh i inostrancev* [Icons and Worship Thereof in the Eyes of Russians and Foreigners]. 275 p. Moscow.
- Levina, S. A. (1957). K izucheniyu Voskresenskoj letopisi [On the Study of the Voskresensk Chronicle]. In *TODRL* (Vol. 13, pp. 689–705). Moscow, Leningrad.
- Levina, S. A. (1989). Letopis' Voskresenskaya [Voskresensk Chronicle]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* (Vol. 2, pt. 2, pp. 39–42). Leningrad.
- Levina, S. A. (1955). O vremeni sostavleniya i sostavitele Voskresenskoj letopisi XVI v. [On the Time of Creation and Compiler of the Voskresensk Chronicle of the 16th Century]. In *TODRL* (Vol. 11, pp. 375–379). Moscow, Leningrad.
- Levina, S. A. (1984). Spiski Voskresenskoj letopisi [Copies of the Voskresensk Chronicle]. In *Letopisi i hroniki. Sbornik statej* (pp. 38–58). Moscow.
- Lidova, A. M. (Ed.). (1996). *Chudotvornaya ikona v Vizantii i Drevnej Rusi* [The Wonderworking Icon in Byzantium and Old Rus']. 559 p. Moscow.

Lihachev, D. S. (1973). *Razvitie russkoj literatury' X–XVII vekov* [The Development of Russian Literature of the 10th – 17th Centuries]. 254 p. Leningrad.

Licevoj letopisny'j svod XVI veka. Russkaya letopisnaya istoriya [The Illustrated Chronicle of the 16th Century. Russian Manuscript History]. (2010). Bk. 10, 500 p.; Bk. 11, 538 p.; Bk. 12, 478 p. Moscow.

Morozov, V. V. (2005). *Licevoj svod v kontekste otechestvennogo letopisaniya XVI veka* [The Illustrated Chronicle in the Context of National Chronicling of the 16th Century]. 285 p. Moscow.

Nasonov, A. N. (1969). *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XVIII vv.* [The History of Russian Chronicling of the 11th – 18th Centuries]. 556 p. Moscow.

Plyuhanova, M. B. (2011). Propoved' na Torzhestvo pravoslaviya i sochinenie «Ob obidakh Cerkvi»: k voprosu ob e'kkleziologicheskikh osnovah ucheniya o tret'em Rime [A Sermon for the Feast of Orthodoxy and the Work *On the Grievances of the Church: On the Ecclesiological Grounds of the Doctrine of the Third Rome*]. In *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Materialy'. Publikacii* (Vol. 2, pp. 549–564). Saint Petersburg.

Podobedova, O. I. (1972). *Moskovskaya shkola zhivopisi pri Ivane IV* [The Moscow School of Painting under Ivan IV]. 208 p. Moscow.

Prosvetitel', ili oblichenie eresi zhidovstvuyushhih. Tvorenie prepodobnogo otca nashego Iosifa, igumena Volockogo [The Enlightener or the Denunciation of Judaists: The Works of Reverend Joseph, Father Superior of Volotsk]. (1904). 551 p. Kazan.

Polnoe sobranie russkikh letopisej. Voskresenskaya letopis' [The Complete Collection of Russian Chronicles. The Voskresensk Chronicle]. (1859, 1965). Vol. 8, 302 p.; Vol. 11, 262 p. Saint Petersburg, Moscow.

Shhennikova, L. A. (1996). Chudotvornaya ikona «Bogomater' Vladimirskaia» kak «Odigitriya evangelista Luki» [The Wonderworking Icon of the Theotokos of Vladimir as *The Hodegetria of Luke the Evangelist*]. In *Chudotvornaya ikona v Vizantii i Drevnej Rusi* (pp. 252–302). Moscow.

Stepennaya kniga carskogo rodosloviya po drevnejshim spiskam [The Book of Degrees of the Royal Genealogy according to the Oldest Copies]. (2008). (Vol. 2). 559 p. Moscow.

Zhurova, L. I. (1985). K voprosu ob istochnikah Hronografa red. 1512 g. [On the Issue of the Origins of the Chronograph of 1512]. In *Pamyatniki literatury' i obshchestvennoj my'sli e'pohi feodalizma* (pp. 24–31). Novosibirsk.

Zhurova, L. I. (2000). *Skazanie o Kolochskoj ikone* [The Legend of the Icon of Koloch']. 260 p. Novosibirsk.

The article was submitted on 03.07.2015

Людмила Ивановна Журова,
доктор филологических наук,
доцент,
Институт истории СО РАН,
Сибирского отделения
Российской академии наук,
Новосибирск, Россия
zhurova@ngs.ru

Liudmila Zhurova, Dr.,
Associate Professor,
Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
zhurova@ngs.ru